

Хорошилов Д.А.

Онтологическая, социальная и психологическая прекарность:
пути взаимодействия в транзитивном обществе

Khoroshilov D.A.

Ontological, social and psychological precarity:
ways of interaction in transitive society

Российский Государственный Гуманитарный Университет, Москва, Россия

В настоящей статье исследуется феноменология переживания прекарности (уязвимости, хрупкости и незащищенности человека, оказывающегося в ситуации неопределенности и транзитивности). Выделяются следующие три уровня анализа названного состояния: во-первых, онтологический (с опорой на рассуждения французского философа Э. Левинаса об изначальной открытости субъективности перед лицом Другого), далее – социальный (изучение прекарности как конституирующей характеристики нового «опасного» класса прекариата по современным работам Г. Стэндинга, Дж. Батлер и других зарубежных и отечественных авторов) и, наконец, – психологический. Уточняются семантически близкие, но все же различные по своим акцентам понятия прекарности (состояние неуверенности в будущем, сокращения временной перспективы, беспокойства), прекаритета (социальная общность, куда входят индивиды из различных классов, не имеющие стабильной трудовой занятости и лишённые социальных гарантий), прекаризации и прекаритета (резкое ухудшение условий труда из-за глобализации экономики и повышения конкуренции). С опорой на концепцию габитуса по П. Бурдьё, сопоставляемой с теориями когнитивных схем, социальных представлений и коллективных переживаний, предлагается гипотеза о существовании особого прекарного габитуса в современном обществе. Центральной психологической структурой прекарного габитуса выступают тревога и тревожность как негативные эмоциональные реакции на фрустрацию индивидуализации и отсутствие достаточной институциональной поддержки в решении значимых проблем. Обсуждается двойственность практики индивидуализации прекарности, которая одновременно и предоставляет ресурсы для совладания с ситуацией нестабильности и неопределенности, и увеличивает сингулярность общества из-за распада социальных связей и сетей поддержки вследствие атрибуции ответственности за принятие рискованных решений отдельным индивидам, а не сообществам. Приводятся результаты эмпирического исследования переживания и восприятия прекарности, выполненного в дизайне качественной

методологии с использованием визуальных методов, фокус-групп и тематического анализа. В заключении статьи делается вывод о том, что прекарность – это экзистенциальное переживание транзитивности, возвращающее к философской проблеме интерсубъективности сознания и ответственности за страдание и боль Другого.

Ключевые слова: транзитивность, прекарность, габитус, коллективное переживание, индивидуализация

Для цитирования: Хорошилов, Д.А. Онтологическая, социальная и психологическая прекарность: пути взаимодействия в транзитивном обществе // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 64–83. DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_04

Методологические уровни анализа феномена прекарности

«Каждый из нас в любой момент может стать отбросом, стоит только перемениться ветру политики или экономики. И почти бессмысленно рассчитывать на чью-то защиту», – утверждал З. Бауман в интервью (Бауман, 2019), продолжая и уточняя мысль из книги «Текущая современность» о незащищенности человека перед социальными, техническими и природными катаклизмами в контексте индивидуализации ответственности и принятия рискованных решений (Бауман, 2008). Ненадежность существования, неуверенность в завтрашнем дне, отсутствие личной безопасности охватывают различные сферы общества, культуры и искусства; «Неустойчивость (*précarité*) повсеместна», – приводит Бауман название небольшой статьи-реплики П. Бурдьё (Bourdieu, 1997).

В том же интервью Бауман обсуждает два вида безопасности: *security* (социальная защищенность и стабильность) и *safety* (неприкосновенность границ личного жизненного пространства). Современные государства не в состоянии гарантировать своим гражданам безопасность-*security*, ссылаясь при этом на многочисленные «внешние» экономические и политические факторы (будь то неблагоприятная экологическая обстановка, финансовый кризис, напряженные международные отношения...), и сосредотачиваются на устранении потенциальных угроз-*safety*, забота о которой встраивается в повседневные практики.

Расхождение двух аспектов безопасности является одной из причин коллективного переживания неустойчивости и хрупкости, а пандемия коронавируса стала предельным выражением такого социального порядка: общество оказалось просто не в силах сдержать распространение вируса и предоставить базовые

экономические и медицинские защиты населению (и качество жизни), а взамен того сфокусировалось на поддержании строгих институциональных ограничений передвижений и коммуникаций. Персональные границы стали неприкосновенными («соблюдение дистанции» и «самоизоляции»), медиатизация и виртуализация общения сделали эти границы тонкими и проницаемыми. В сочетании и взаимопроникновении практик индивидуализации и социализации – противоречие нашего сложного времени, обнажающее хрупкость личного и общественного бытия.

Думается, все перечисленные и подразумеваемые экзистенциальные характеристики (и пока используемые как синонимы) – незащищенность, небезопасность, ненадежность, неуверенность, неустойчивость, хрупкость, ранимость и т.д. – правомерно считать формой субъективного отношения к транзитивности. Феноменология восприятия и переживания социальных и культурных изменений, которые принесла текучая современность, наиболее точно фиксируется понятием *прекарности*, заимствованным нами из социальной теории и введенным в дисциплинарное поле психологии (Хорошилов, 2018). Используемое понятие требует реконцептуализации и наполнения теоретическим и эмпирическим содержанием, не всегда совпадающим с его интерпретацией философами, социологами и политологами. Разведем следующие три уровня анализа прекарности: онтологический, социологический и психологический.

1. *Онтологическая прекарность* является базисным свойством субъективности, что наиболее четко прослеживается в философии Э. Левинаса, который пересмотрел понятия феноменологии с точки зрения существования Я для Другого, отношения к ближнему как одержимости и ответственности (Философы Франции, 2016). Субъективность изначально открыта и уязвима перед взглядом Другого. Открытость подобна обнаженной и уязвимой коже, подставленной терзанию и поруганию, поэтому «с головы до ног, до мозга костей Я есть уязвимость» (Левинас, 2004, с. 650). Субъект ранен, травмирован болью и страданием Другого, он выходит из мрака бытия, будучи затронутым, аффектированным призывом о помощи (Сокулер, 2016). Феноменология переживания проявляется тогда, когда субъект становится не агентом познания, а пассивным носителем претерпевающей и отвечающей на различные воздействия телесности (Ямпольская, 2017).

Философские идеи Левинаса об уязвимой структуре субъективности, раскрываемой в ее открытости и близости Другому,

соотносятся с современными исследованиями, *во-первых*, уязвимости психики и организма человека, который в своем эволюционном развитии не поспевает за стремительными изменениями техногенной окружающей среды (Несси, 2020), *во-вторых*, филогенетических и онтогенетических механизмов кооперативной коммуникации и совместной деятельности, в основе которой лежит интрасубъективная интенциональность взаимодействующих сознаний (Томаселло, 2011). Субъект познания обретает себя только в этическом акте существования для Другого и признании собственной уязвимости перед ним. Очевидно, что данное этическое требование взаимопомощи является нормативным и далеко не всегда воплощается в реальности. Онтологическая прекарность устанавливается и распределяется социальными институтами и дискурсами, которые задают определенные градации и степени уязвимости в зависимости от занимаемой индивидуальной позиции в социальном поле. Онтологическая прекарность становится социально-экономической.

2. *Социальная прекарность* выступает маркером *прекариата* как одного из классов современного общества (происходит от слияния двух слов: «precarious» – нестабильный, неустойчивый и «proletariat» – пролетариат). Можно перечислить критерии прекариата как социальной общности (Гоценко, 2019): 1) неустойчивая, непостоянная или нестабильная трудовая занятость, 2) уменьшение или даже отсутствие социальной защиты и гарантий, 3) состояние неуверенности в будущем и сокращение временной перспективы.

Прекариат идентифицируется не по формальным признакам (например, по уровню дохода или образования), а скорее по психологическим, среди которых называются стиль жизни и образ мышления, переживание неопределенности и ненадежности существования (Голенкова, Голиусова, 2015). Поэтому в класс прекариата попадают представители самых различных социальных групп (профессиональных, поколенческих, гендерных). К ним относятся не только фрилансеры и мигранты, члены локальных субкультур и сообществ, подвергаемые дискриминации и стигматизации, но и выпускники престижных немецких университетов, которые часто не имеют карьерных перспектив (Тирген, 2021).

Повсеместное распространение социальной прекарности (состояния одноименного класса) тесно связано с *прекаризацией* (процессом ухудшения условий труда). Условия и контекст профессиональной деятельности прекариата фиксируется еще одним созвучным понятием *прекаритета*, обозначающим «возвратные»

трудовые отношения, при которых работник попадает в зависимость от работодателя, когда тот может усложнить и ухудшить положение трудящегося внезапным увольнением, понижением зарплаты и т.д. (Сизова и др., 2017). Прекаритет – экзистенциально-политическая категория, связанная с глобализацией экономики и неолиберализмом, поощряющими мобильность и напряженную конкуренцию между наемными работниками. Контракт с ними может быть расторгнут в любой момент, что оборачивается переживаниями шаткости экономического и социального положения и той же неуверенности в завтрашнем дне (Чехонадских, 2012).

По Дж. Батлер, прекариат – это «политически обусловленное положение, в котором определенные группы населения больше других страдают от недостаточной поддержки социально-экономических сетей, подвергаясь травмам, насилию и, как следствие, смерти» (Батлер, 2018, с. 38). Из данного определения логически следует вывод, что прекарность становится макросоциальным измерением повседневной жизни уязвимых групп. Именно в повседневности формируется т.н. *прекариатизированное мышление*, которое описывается такими чертами, как недовольство, аномия, беспокойство и отчуждение; все они являются оборотной стороной современного общества, чья экономическая система основывается на гибкости и незащищенности, поэтому в прекариат может попасть фактически каждый из нас независимо от наличных возможностей и ресурсов (Стэндинг, 2014).

3. В цитируемой работе Стэндинга – одного из главных исследователей прекариата в наши дни – намечаются контуры не только социальной, экономической и политической, но и собственно *психологической* интерпретации прекарности. Оставив в стороне подход теории черт, который имплицитно воспроизводится Стэндингом, мы предложили рабочее и, разумеется, не претендующее на полноту определение психологической прекарности как коллективного переживания незащищенности, уязвимости, хрупкости человека, когда экономический и культурный капитал (включая телесность) каждого из нас, независимо от его ресурсов, шансов и возможностей, может быть нивелирован стечением случайных и непредсказуемых событий (Хорошилов, Ильжер, 2019).

С психологической точки зрения прекарность распространяется из сферы трудовых отношений на повседневную жизнь современного человека в целом и феноменологически предстает эмоциональной реакцией на транзитивность, выступающую в качестве фактора депривации жизненного пространства и личных границ времени

и пространства (Полева, Анян, 2021; Марцинковская, 2020). Психологической прекарности подвержены не только особые «группы риска» в условиях гибкой неформальной занятости (Дружилов, 2015), это переживание фактически является *трансгрессивным* относительно различных социальных групп, классов и страт, т.е. пронизывающим все сферы общества и культуры (в отличие от социальной прекарности как идентификационного маркера). По этой причине прекарность мобилизует спонтанные и внезапные гражданские движения и уличные собрания по всему миру разнородных по составу участников (Батлер, 2018).

В последнее время стали исследоваться практики индивидуализации социальной и психологической прекарности и превращения ее во внутренний ресурс для эффективного совладания с изменениями (Гусельцев, 2020) или нахождения ценностного баланса между жизнью и работой, компенсирующего отсутствие шансов на восходящую мобильность (Гартаковская, 2019). Индивидуализация прекарности является одновременно и ресурсом для жизнестворчества и конструирования стиля жизни, и практикой воспроизводства этого переживания. У. Бек продемонстрировал, что риски гибкой и плюралистической трудовой занятости приватизируются и становятся биографической задачей, зависящей в большей степени от индивидуальных решений, а не от социальных институтов и сообществ (Бек, 2000). Прекаризация труда приводит в действие *эффект дезаффиляции*: индивид может выпасть из системы социальных связей, становясь «бесполезным миру» (Кастель, 2009). Индивидуализм способен порождать переживания отчуждения, изоляции и одиночества, разрушать близкие отношения взаимной поддержки, что увеличивает риск депрессивных и тревожных расстройств (Карп, 2018). Практики индивидуализации прекарности следует, на наш взгляд, оценивать весьма осторожно, о чем предупреждали У. Бек и З. Бауман.

Тревога в психологической структуре прекарного габитуса

Сегодня можно говорить о формировании устойчивых коллективных переживаний, которые складываются в особый *прекарный габитус*. Небольшой теоретический экскурс: понятие габитуса введено в научный обиход П. Бурдьё и почти «не переводилось» на язык психологических категорий, несмотря на вполне очевидные концептуальные пересечения с теориями когнитивных схем, социальных представлений и коллективных переживаний.

Габитусы – это системы диспозиций или структурированные структуры, «порождающие и организующие практики и представления» (Бурдьё, 1998, с. 45). Габитусы формируются в процессе интернализации когнитивной структуры (восприятия) социальных отношений, посредством которой люди взаимодействуют с миром (Ритцер, 2002). Они – и результат интериоризации внешних социальных практик, и условие их воспроизводства под видом внутренних структур личности (Шматко, 1998), ср. с хрестоматийной формулой личности как высшей формы социальности у А.С. Выготского.

Габитус можно сопоставить с гипотетическим конструктом когнитивной схемы как формы категоризации значимого индивидуального и группового опыта, опосредствующей восприятие и поведение и модифицируемой с учетом ситуации. Психологическое понятие схемы, разработанное Ч. Барлеттом, Ж. Пиаже, У. Найссером, расширяется в современной когнитивной науке до ментальной модели или репрезентации: акцент делается не только на формате, но и на содержании репрезентаций (Фаликман, 2018). Пример коллективных, а не индивидуальных схем – социальные представления, устанавливающие границы или фреймы интерпретации пугающих и тревожащих группы явлений (Ван Дейк, 1989).

Коль скоро габитусы по Бурдьё сопоставимы с индивидуальными и коллективными схемами восприятия и действия, позволим себе напомнить, что в психологии социального познания (Андреева, 2007; Fiske, Taylor, 2020) схема наделяется не только когнитивным, но и аффективным содержанием. Образ социального явления дополняется аффективно-оценочным сигнальным компонентом, который реализует эвристическую функцию (иначе говоря, актуализации «Системы 1» по Д. Канеману). В истории отечественной психологии аффективный и когнитивный элементы социального познания объединяются в концепции индивидуального и коллективного переживания. Переживание – это механизм перевода знания из внешнего, социального плана во внутренний план самосознания, что придает ему интенциональность (Марцинковская, 2016). Сказанное позволяет говорить о сходных акцентах в социологическом подходе Бурдьё к пониманию габитуса и психологических теориях когнитивных схем, социальных представлений и переживаний (о потенциале идей П. Бурдьё – не только габитуса, но также поля и капитала – в дисциплинарном контексте психологии также см. работу Т.Д. Марцинковской по приведенной ссылке).

С психологической точки зрения габитусы можно определить как

коллективные аффективно-когнитивные схемы, актуализирующие типические переживания в различных социальных ситуациях и контекстах (социальных полях, по П. Бурдьё). В чем заключается структура *прекарного габитуса*? Одна из его характеристик, упоминаемая почти всеми исследователями, – сокращение или отсутствие долговременной и устойчивой временной перспективы. Прекарный габитус не соответствует установкам быть эффективным и успешным человеком в конкурентном обществе позднего модерна и становится своеобразным ответом на нивелирование жизненных перспектив и копинг-стратегий в ситуации нестабильности и неопределенности, поэтому индивиды начинают «жить одним днем» и «выталкивают» неподконтрольное будущее за горизонты осмысления (Тартаковская, 2019; Тартаковская, Ваньке, 2019).

Если когнитивный элемент прекарного габитуса связан с нарушением временной перспективы как субъективным отражением неопределенности и фрустрации возможности индивидуализации и профессиональной самореализации в высококонкурентных условиях, то его аффективной структурой становится постоянная тревожность. В начале прошлого столетия Г. Зиммель отмечал, что атмосфера времени сгущается и делается все более беспокойной и тревожной: «Новейшее время, кажется, особенно, пронизывает чувство напряженности, ожидания, стеснения – как будто главное еще только должно произойти» (Каубе, 2016), а серия картин Э. Мунка «Крик» – кристаллизация переживания тревоги – давно стала мемом массовой культуры.

В психологии – начиная с работ З. Фрейда – принято разделять понятия: тревоги (эмоциональное состояние), тревожности (устойчивая личностная диспозиция) и страха. В отличие от последнего, тревога беспредметна и диффузна, это негативное переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного исхода и предчувствием грядущей опасности (Прихожан, 2000).

Иррациональное беспокойство, обнажающее уязвимость человека нашего времени перед ускоряющимися социальными и культурными изменениями, происходит от базового для раннего и позднего модерна противоречия между потребностями в личной свободе и установлении надежных связей (Скэрдервуд, 2000). По мнению Р. Мэя, «смысл тревоги» – одноименное название его, пожалуй, самой известной книги – следует искать в культуре, поощряющей индивидуалистическое стремление достичь успеха и самовыражения: «Все, что угрожает достижению успеха, вызывает у человека нашей культуры сильную

тревогу, поскольку ставит под угрозу ценности, которые жизненно важны для существования личности – то есть для чувства собственного достоинства и самоуважения» (Мэй, 2016). Вновь возникает тема индивидуализации как культурно-психологического фактора.

Психологи и психотерапевты считают тревогу «недугом современности», связывая его не только с отсутствием гарантий безопасности в глобальном мире, но и с глубинным страхом потерять материальный комфорт, образ которого конструируется и транслируется в «обществе потребления» медиа и рекламой, и кризисом отношений, становящихся в ситуации карьерной конкуренции все более ненадежными и непредсказуемыми. Следует индивидуализировать ресурсы и стратегии копинга с эмоциональным состоянием тревоги и использовать его эволюционно-адаптивный потенциал (Лихи, 2017).

Вопреки индивидуализирующему психотерапевтическому дискурсу, который так или иначе конструируется вокруг личностной атрибуции ответственности за эффективное совладание с тревогой, исходя из «внутренних» ресурсов, не стоит забывать и о том, что в условиях транзитивности индивиды часто оказываются лишены даже элементарных форм самозащиты, блокированных политическими и экономическими институтами.

По мнению А.Д. Гудкова, озвученному в одном из его публичных выступлений, хроническое ощущение диффузной тревоги, пронизывающее повседневную жизнь российского общества, является эмоциональной реакцией на процессы стагнации и деградации постсоветских институтов, не гарантирующих решения острых социальных проблем (о справедливости едва ли приходится говорить...). Коллективные переживания тревоги в массовом сознании отражают ограниченные, фрустрированные индивидуальные возможности отвечать за благополучие своей жизни и жизни близких.

Несмотря на критические дискуссии, касающиеся методологии проведения опросов общественного мнения и теоретической интерпретации этих данных (Радаев, 2019), клиничко-психологические исследования подтверждают гипотезы Гудкова на собственном уровне анализа. Культивирование успеха, свободы самовыражения и перфекционизма в медиа (резко противоположная реальной институциональной обстановке) производит «эффект обратного действия сверхценной установки», как его удачно назвали А.Б. Холмогорова и Н.Г. Гараян. Социальное сравнение с этим идеальным образцом становится механизмом формирования

депрессивной пассивности, тревожного избегания ответственности и роста выученной беспомощности (Гаранян, 2015; Холмогорова, Гаранян, 1999).

Таким образом, кризис социальных институтов и их неэффективность в устранении неопределенности фактически блокирует базовые мотивации субъекта позднего модерна к индивидуализации и поиску личных ресурсов для достижения успеха в ситуации высокой конкуренции, что контрастирует с рекламными образцами, воспроизводимыми в массовом и общественном сознании. Фрустрация индивидуализации – и как жизненного проекта, и как адаптивного копинга – выступает предпосылкой формирования переживания тревоги и тревожности в структуре прекарного габитуса.

Качественное исследование прекарного габитуса

Мы провели эмпирическое исследование переживаний прекарности, выполненное в дизайне качественной методологии (Мельникова, Хорошилов, 2020). План исследования состоял из трех этапов: 1) респондентам – начинающим психологам – давалась следующая инструкция: «Сделайте фотографии на iPhone и найдите картинки в Google, отражающие ваше персональное переживание незащищенности, уязвимости, хрупкости в повседневной жизни»; 2) полученные визуальные материалы обсуждались в фокус-группах (всего было проведено 5 групп численностью 7 – 12 человек), после чего 3) проводился тематический анализ изображений и комментариев. Целевая выборка исследования – 25 человек (30–45 лет, 10 мужчин и 15 женщин, занимающих топовые бизнес-позиции и получающих второе психологическое образование). Группы проводились в 2018 – 2019 гг., до пандемии.

Следует подчеркнуть – и это обстоятельство является в том числе дополнительным источником информации по изучаемой теме прекарности, – что респонденты попросили нас ограничить публичный доступ к материалам исследования. Они дали свое письменное согласие на использование фотографий прекарности в научных целях при соблюдении этического условия, согласно которому они не будут демонстрироваться вне проведенных фокус-групп! Поэтому мы вынуждены отказаться от очень ярких, интересных визуальных иллюстраций и ограничиться описанием основных тем и образов, выделенных в процессе анализа изображений и комментариев к ним.

1. Как сформулировала одна респондентка, владелица собствен-

ного салона красоты и постоянная участница светских мероприятий Москвы, *«фотографируя прекарность, ты сам становишься прекарным»*. На фокус-группе она поделилась размытой и второпях сделанной на iPhone фотографией автомобильной аварии в центре города. Машина сбила ребенка, переходившего дорогу по правилам, но не замеченного водителем. Респондентка не знала, остался ли он в живых, вспоминала только, что видела нескольких реанимаций и множество людей. После этой ситуации она весь день не могла выйти из состояния шока, не могла толком сосредоточиться на работе и постоянно размышляла о том, что, согласно ее мнению, каждый из нас может оказаться на месте этого ребенка: *«нет никакой защиты, никаких гарантий, только случайность»*. Другие участники исследования взволнованно подхватили этот сюжет и стали показывать такие же картинки, скаченные из интернета (они ничего не знали об описанном происшествии): детские игрушки, разбросанные на автомобильной дороге, фоторепортажи с места других аварий и т.д. Таким образом, практика визуализации (опосредствования восприятия образом) социальной прекарности является перформативной относительно одноименного психологического состояния и погружает респондентов в переживание и осмысление собственной уязвимости и незащищенности.

2. Следующая тема фокус-групп была обозначена нами как своеобразная «ловушка медиатизации»: медиаиндустрия распространяет прекарность с необычайной скоростью, но при этом устанавливает психологически безопасную дистанцию между демонстрацией образа и аудиторией. По удивительному совпадению одна из фокус-групп проводилась на следующий день после пожара в соборе Парижской Богоматери. *«Мы как будто стояли на набережной и видели своими глазами этот ужас»*. Вскоре респонденты позабыли эффект присутствия, конструируемый медиа, и стали пространно размышлять о символическом значении этого происшествия. То, что казалось незыблемым, освященным столетиями, может исчезнуть в мгновение ока. Европейская культура находится в кризисе, который общество стремится не замечать, страшный знак богооставленности, ибо *«люди потеряли совесть, стали злыми, недаром пророчества об Антихристе»*. Медиаиндустрия становится главным «проводником» переживания кризиса ценностей, но при этом за счет технического дистанцирования и интерактивности (возможности переключить ТВ-канал и перейти на другую интернет-страницу) *«тригушает»* страх и тревогу, *«снижает градус»* этих эмоциональных состояний до психологически приемлемого уровня.

3. Образ собора Парижской Богоматери тесно связан с поиском индивидуальных и групповых стратегий совладания с социальной ситуацией прекарности. Выяснилось, что, с точки зрения респондентов, предлагаемые в массовой культуре копинг-стратегии (в том числе тиражируемые психологией техники самопомощи) оказываются неэффективными и приносят временное, иллюзорное облегчение. В итоге у современного человека остаются только два пути: либо следовать *«животному инстинкту выживания» в любых обстоятельствах (вопреки им), либо обратиться к «религиозному утешению»*. Фотографии респондентов изображали храмы, чьи двери были закрыты, а прихожане в задумчивости молились на улице возле них. Когда ведущий дискуссии обратил внимание на этот образ, участники удивились и пришли к совместному выводу, что религия обещает надежду на защиту высших сил, но последние скрываются за *«глухой стеной»* молчания и бездействия, человек все равно остается предоставленным самому себе и должен принимать персональную ответственность за те или иные действия в трудных жизненных ситуациях.

4. Наконец, финальная тема – респонденты рассматривали уязвимость как некую сущностную, экзистенциальную характеристику, связывающую объекты живой и неживой природы, миры природы и человека. Активно обсуждались изображения цветов, растущих из камня, хрупкость и красота природы, которая при темпах современной жизни часто проходит мимо нашего внимания. Один респондент вспомнил слова Лао-Цзы о том, что вода, будучи уступчивой, слабой и податливой, пройдет через любые препятствия... Уязвимость может стать ресурсом для сопротивления самым сложным обстоятельствам. Примечательно, что несмотря на занимаемые высокие социальные позиции и финансовые возможности, участники наших фокус-групп искренне делились болезненными и острыми переживаниями личной незащищенности перед возможными изменениями (что считается косвенным подтверждением теоретической гипотезы о психологической прекарности как коллективном переживании, объединяющем представителей разных групп, а не только по профессиональному критерию краткосрочной и неформальной занятости).

Выводы по теоретико-эмпирическому исследованию прекарности

Психологическая прекарность, интерпретируемая как габитус повседневной жизни в транзитивности, который актуализирует

коллективные переживания диффузной тревоги за личное будущее и будущее своих близких при отсутствии должной поддержки со стороны социальных институтов, является субъективным, эмоционально-смысловым отражением precariousности социальной. Социальная precariousность, связанная с глобализацией экономики и изменениями трудовых отношений в мире неопределенности и риска, выступает в роли фактора формирования precariousного габитуса, трансгрессивного относительно больших и малых групп и потому не ограниченного формальными признаками класса «precarната», но представляющего собой массовое и прежде всего психологическое явление.

Парадоксальным образом precariousность производится в социокультурных практиках индивидуализации и биографической приватизации рисков и значимых проблем, которые увеличивают «сингулярность» современности (Rekwitz, 2017) и несут угрозы разрушения социальных взаимосвязей, но вместе с тем могут предоставить ресурсы для эффективного совладания с этой ситуацией. Социальные институты, не располагая инструментами для защиты населения и решения проблем личной безопасности, превращают precariousность из коллективного переживания в индивидуальное и одновременно фрустрируют мотивацию к индивидуализации копинга (что видно из данных проведенной нами серии фокус-групп, а также интерпретаций социологических опросов).

Не находятся ли precariousность и индивидуализация в диалектическом соотношении, как заметила С. Зонтаг, всегда точная в формулировках: «Моя индивидуальность нужна мне как оружие для того, чтобы бороться с оружием, которое общество направляет против меня» и заставляет почувствовать свою уязвимость (Мозер, 2020). Precariousность выступает базовым экзистенциальным измерением взаимодействия личности и общества, заданным изначальной онтологической открытостью и обнаженностью субъекта перед Другим, что делает этически возможными близость и интересубъективную ответственность за боль и страдание мира (в соответствии с философскими рассуждениями Э. Левинаса).

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, номер 20-1013-00799\21, «Социально-психологические механизмы соматизации и спихондризации в информационном обществе».

Литература

Андреева, Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2007.

Батлер, Дж. [Butler J.] Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.

Бауман, З. [Bauman Z.] Войну с ложью невозможно выиграть // Голлод. 2019. URL: <https://mygolod.com/2019/01/10/zigmunt-bauman-vojna-s-lozhyu-obrechen/> (дата обращения: 04.05.2021).

Бауман, З. [Bauman Z.] Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.

Бек, У. [Beck U.] Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бурдьё, П. [Bourdieu P.] Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. № 2. С. 44–59.

Ван Дейк, Т.А. [Van Dijk T.A.] Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс: 1989.

Гараян, Н.Г. Теория социального сравнения в клинической психологии // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 4. С. 36–49.

Голенкова, З.Т., Голнусова, Ю.В. Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1(195). С. 47–57.

Гусельцев, Н.С. Занятость личности в современном трансформирующемся обществе // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 2. С. 133–150.

Дружилов, С.А. Прекариат и неформальная трудовая занятость в России: социально-психологические аспекты // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 1. Ч. 2. URL: <http://human.snauka.ru/2015/01/9491> (дата обращения: 04.05.2020).

Карп, Д. [Карп D.] Поговорим о депрессии. М.: Олимп-бизнес, 2018.

Кастель, Р. [Castel R.] Метаморфозы социального вопроса: хроника наемного труда. СПб.: Алетейя, 2009.

Каубе, Ю. [Kaube J.] Макс Вебер: жизнь на рубеже эпох. М.: Дело, 2016.

Левинас, Э. [Lévinas E.] Избранное: трудная свобода. М.: РОССПЭН, 2004.

Лихи, Р. [Leahy R.] Свобода от тревоги: справься с тревогой, пока она не расправилась с тобой. СПб.: Питер, 2017.

Марцинковская, Т.Д. Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Марцинковская, Т.Д. Личностные границы пространства и времени в

ситуации депривации по Covid-19 // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 4. С. 104–113.

Мельникова, О.Т., Хорошилов, Д.А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020.

Мозер, Б. [Moser B.] Сьюзен Зонтаг: женщина, которая изменила культуру XX века. Биография. М.: Бомбора, 2020.

Мэй, Р. [May R.] Смысл тревоги. М.: ИОИ, 2016.

Несси, Р. [Nesse R.] Хорошие плохие чувства: почему эволюция допускает тревожность, депрессию и психические расстройства. М.: Альпина-нон-фикшн, 2020.

Полева, Н.С., Аянян, А.Н. Транзитивность как фактор прекаризации повседневности // Новые психологические исследования. 2021. № 1. С. 29–53.

Прихожан, А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: Московский психолого-социальный институт, 2000.

Радаев, В.В. Миллениалы: как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019.

Ритцер, Д. [Ritzer G.] Современные социологические теории. СПб.: Питер, 2002.

Сизова, И.А., Леонова, А.А., Хензе, А. Прекаритет занятости и доходов в России и Германии: самовосприятие наемными работниками // Экономическая социология. 2017. Т. 18. № 4. С. 14–59.

Скэрдервуд, Ф. [Scardewood F.]. Беспокойство: путешествие в себя. Самара: Бахрах-М, 2000.

Сокулер, З.А. Субъективность, язык и Другой: новые пути и искушения мысли, открываемые учением Эммануэля Левинаса. М.: Университетская книга, 2016.

Стэндинг, Г. [Standing G.] Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.

Тартаковская, И.Н., Ваньке, А.В. Трудовые траектории прекарных работников и формирование прекарного габитуса // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 2. С. 99–115.

Тартаковская, И.Н. Баланс жизни и труда прекарных работников: гендерные аспекты // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 163–178.

Тирген, П.Х. [Thiergen P.] Amor legendi, или Чудо русской литературы. М.: ВШЭ, 2021.

Томаселло, М. [Tomasello M.] Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.

Тощенко, Ж.Т. Феномен прекариата: теоретические и методологические основания исследования // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 51–63.

Фаликман, М.В. Парадоксы зрительного внимания: эффекты перцептивных задач. М.: Языки славянских культур, 2018.

Философы Франции: словарь. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

Холмогорова, А.Б., Гаранян, Н.Г. Эмоциональные расстройства и современная культура // Консультативная психология и психотерапия. 1999. Т. 7. № 2. С. 61–90.

Хорошилов, Д.А. Коллективные переживания прекарности в современной культуре (памяти Т.Г. Стефаненко) // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. С. 1. URL: <http://psystudy.ru/index.php/%20num/2018v11n58/1548-khoroshilov58.html> (дата обращения: 04.05.2021).

Хорошилов, Д.А., Ильжер, Е.А. Коллективные переживания прекарности и гражданские движения // Национальный психологический журнал. 2019. № 2(34). С. 48–54.

Чехонадских, М. Трудности перевода: прекаритет в теории и на практике // Московский художественный журнал. 2012. № 79/80. С. 33–39.

Шматко, Н.А. «Габитус» в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.1. №2. С. 60–70.

Ямпольская, А.В. От пассивности к аффективности // (Пост) феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами / Под ред. С. Шолоховой, А. Ямпольской. М.: Академический проект, 2017. С. 229–240.

Bourdieu, P. La précarité est aujourd'hui partout // Intervention lors des Rencontres européennes contre la précarité. Grenoble. 12–13 décembre 1997. URL: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_161352.pdf (дата обращения: 04.05.2021).

Fiske, S.T., Taylor, S.E. Social cognition: from brains to culture. London: Sage, 2020.

Rekwitz, A. Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne. Berlin: Suhrkamp, 2017.

Сведения об авторе

Дмитрий А. Хорошилов, кандидат психологических наук, Институт

психологии имени Л.С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Мнусская пл., д. 6; *d.khoroshilov@gmail.com*

Khoroshilov D.A.

Ontological, social and psychological precarity:
ways of interaction in transitive society

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

This article examines the phenomenology of the experience of precarity (vulnerability, fragility, and insecurity of a person who finds himself in a situation of uncertainty and transitivity). The following three levels of analysis of the named state are distinguished: 1) ontological (based on the arguments of the French philosopher E. Levinas about the initial openness of subjectivity in the face of the Other), 2) social (the research of precarity as a constituent characteristic of a new «dangerous» class of precariat based on the works of G. Standing, J. Butler, and other authors) and 3) psychological. The semantically close, but still different in their accents, concepts of precarity (a state of uncertainty in the future, shortening of the time perspective, anxiety), precariat (a social community, which includes individuals from different classes who do not have stable employment and are deprived of social guarantees), precarization and precariousness (a sharp deterioration of working conditions due to the globalization of the economy and increased competition) are specified. Based on P. Bourdieu's concept of habitus, compared with theories of cognitive schemes, social representations, and collective emotions, a hypothesis is proposed about the existence of a special precarious habitus in modern society. The central psychological structure of the precarious habitus is anxiety as a negative emotional reaction to the frustration of individualization and the lack of sufficient institutional support in solving social problems. The duality of the practice of individualization of precarity is discussed, which at the same time provides resources for coping with a situation of instability and uncertainty, and increases the singularity of society as the disintegration of social ties and support networks due to the attribution of responsibility for making risky decisions to individuals rather than communities. The article presents the results of an empirical study of the experience and perception of precarity, carried out in the design of a qualitative methodology using visual methods, focus groups, and thematic analysis. In the conclusion of the article, it is argued that precarity is an existential experience of transitivity, returning to the philosophical problem of intersubjectivity of consciousness and responsibility for the suffering and pain of the Other (according to the same E. Levinas).

Key words: transitivity, precarity, habitus, collective emotions, individualization

For citation: Khoroshilov, D.A. (2021). Ontological, social and psychological precarity: ways of interaction in transitive society. New Psychological Research, No. 2, pp. 64–83, DOI: 10.51217/npsyresearch_2021_01_02_04

Acknowledgment

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project 20-013-00799\21 «Socio-psychological mechanisms of somatization and hypochondrization in the information society».

References

- Andreeva, G.M. (2007). *Social cognition*. Moscow: Aspekt Press.
- Bauman, Z. (2008). *Liquid modernity*. St. Petersburg: Piter.
- Bauman, Z. (2019). The war on lies cannot be won. *Golod*. Retrieved from <https://mygolod.com/2019/01/10/zigmunt-bauman-voyna-s-lozhyu-obrechnen/>
- Beck, U. (2000). *Risk society: towards a new modernity*. Moscow: Progress-Tra-ditsiya.
- Bourdieu P. (1997, December 12–13). La précarité est aujourd’hui partout. Intervention lors des Rencontres européennes contre la précarité. Grenoble. Retrieved from http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/@ed_dialogue/@actrav/documents/meetingdocument/wcms_161352.pdf
- Bourdieu, P. (1998). Structure, habitus, practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii*, 1(2), 44–59.
- Butler, J. (2018). *Notes on the performative theory of assembly*. Moscow: Ad Marginem Press.
- Castel, R. (2009). *Metamorphoses of the social question: chronicle employees*. St. Petersburg: Aleteiya.
- Chekhonadskikh, M. (2012). Lost in translation: precarity in theory and practice, *Moskovskii khudozhestvennyi zhurnal*, 79/80, 33–39.
- Druzhilov, S.A. (2015). Precariat and informal employment in Russia: socio-psychological aspects. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniia*, 1(2). Retrieved from <http://human.snauka.ru/2015/01/9491>
- Falikman, M.V. (2018). *Visual attention paradoxes: effects of perceptual tasks*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur.
- Fiske, S.T., Taylor, S.E. (2020). *Social cognition: from brains to culture*. London: Sage.
- Garanyan, N.G. (2015). Theory of social comparison in clinical psychology. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2015, 36(4), 36–49.
- Golenkova, Z.T., Goliusova, Yu.V. (2015). Precariat as a new group of employees. *Uroven’ zhizni naseleniya regionov Rossii*, 1(195), 47–57.

Guseltsev, N.S. (2020). The employment of the individual in contemporary transforming society. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»*, 2, 133–150.

Karp, D. (2018). *Speaking of sadness: depression, disconnection, and the meanings of illness*. Moscow: Olimp-biznes.

Kaube, J. (2016). *Max Weber: life at the turn of the centuries*. Moscow: Delo, 2016.

Kholmogorova, A.B., Garanyan, N.G. (1999). Emotional disorders and contemporary culture. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 7(2), 61–90.

Khoroshilov, D.A. (2018). Collective experiences of precarity in modern culture (in memory of T. G. Stefanenko). *Psikhologicheskie issledovaniya*, 11(58), 1. Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n58/1548-khoroshilov58.html>

Khoroshilov, D.A., Ilzher, E.A. (2019). Collective experiences of precarity and civil movements. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*, 2(34), 48–54.

Leahy, R. (2017). *Anxiety free: unravel your fears before they unravel you*. St. Petersburg: Piter, 2017.

Lévinas, E. (2004). *Difficult freedom: selected works*. Moscow: ROSSPEN.

Martsinkovskaya, T.D. (2016). *Culture and subculture in the space of psychological chronotope*. Moscow: Smysl.

Martsinkovskaya, T.D. (2020). Personal boundaries of space and time in a situation of deprivation according to Covid-19. *Voprosy psikhologii*, 66(4), 104–113.

May, R. (2016). *The meaning of anxiety*. Moscow: IOI.

Melnikova, O.T., Khoroshilov, D.A. (2020). *Methodological problems of qualitative research in psychology*. Moscow; Akropol'.

Moser, B. (2020). *Sontag: her life and work*. Moscow: Bombora.

Nesse, R. (2020). *Good reasons for bad feelings: insights from the frontier of evolutionary psychiatry*. Moscow: Al'pina-non-fikshn.

Philosophers of France: Dictionary. (2016). Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.

Poleva, N.S., Ayanyan, A.N. (2021). Transitivity as a factor in the precarization of everyday life. *Novye psikhologicheskie issledovaniya*, No. 1, 29–53.

Prihozhan, A.M. (2000). *Anxiety in children and adolescents: psychological nature and age dynamics*. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut.

Radaev, V.V. (2019). *Millennials: how the Russian society changes*. Moscow: VShE.

Rekwitz A. (2017). *Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne*. Berlin: Suhrkamp,

Ritzer, G. (2002). *Modern sociological theories*. St. Petersburg: Piter.

Scardewood, F. (2000). *Anxiety: a journey into yourself*. Samara: Bakhrakh-M.

Shmatko, N.A. (1998). Habitus in the structure of sociological theory. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 1(2), 60–70.

Sizova, I.L., Leonova, L.A., Khenze, A. (2017). The precariousness of employment and labor incomes in Russia and Germany: self-perception of wage workers. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 18(4), 14–59.

Sokuler, Z.A. (2016). *Subjectivity, language and the Other: new ways and temptations of thought discovered by the teachings of Emmanuel Levinas*. Moscow: Universitetskaya kniga.

Standing, G. (2014). *The precariat: the new dangerous class*. Moscow: Ad Marginem Press.

Tartakovskaya, I.N. (2019). Precarious employment and work-life balance: gender aspects. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 3, 163–178.

Tartakovskaya, I.N., Vanke, A.V. (2019). Mobility strategies of precarious employees and the formation of precarious habitus. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 25(2), 99–115.

Thiergen, P. (2021). *Amor legendi, or The miracle of Russian literature*. Moscow: VShE.

Tomasello, M. (2011). *Origins of human communication*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.

Toshchenko, Zh.T. (2019). The precariat phenomenon: theoretical and methodological premises of its study. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 9, 51–63.

Van Dijk, T.A. (1989). *Language, cognition, communication*. Moscow: Progress.

Yampolskaya, A.V. (2017). From passivity to affectivity. In S. Sholokhova, A. Yampolskaya (Eds.), *(Post)phenomenology: a new phenomenology in France and beyond* (pp. 229–240). Moscow: Akademicheskii proekt.

Information about the author

Dmitry A. Khoroshilov, Ph.D., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya square, Moscow, Russia, 125993; *d.khoroshilov@gmail.com*